

© В. П. Степанов

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
НИКОГЛО Д. Е. ЭТНИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ГАГАУЗОВ. CHIȘINĂU: S. N., 2022. 248 P.**

Если спросят, что в мире подлунном
Я святее всего берегу,
Без сомненья — «Буджак мой полынный», —
Я и другу скажу, и врагу
(Ни на йоту в тот час не солгу).

С. С. Курогло «Слово о Буджаке»

Рецензия направлена на освещение авторского подхода, сфокусированного на изучении места и роли этничности в художественной литературе гагаузского народа. Оценка вклада Д. Е. Никогло в разрабатываемую ею тему дается на фоне общей картины процесса становления и развития в Республике Молдова исследовательского направления, сложившегося в постсоветский период и изучающего отражение этнокультурной составляющей в творчестве писателей, выходцев из отдельных этносоциальных групп. Автор монографии подходит к анализу художественной литературы как к одному из механизмов конструирования этнической идентичности. Раскрывая поставленную цель, исследовательница выявляет отношение гагаузских авторов к региональной идентичности, к родному языку, религиозным и нравственным ценностям, элементам духовной и материальной культуры. В рецензии обращается внимание на перспективность разработанного Д. Е. Никогло подхода в деле исследования такого важного вопроса как формирование этнической идентичности у представителей интеллектуальной элиты изучаемого народа.

Ключевые слова: этнолитература, этническая идентичность, конструирование идентичности, гагаузоведение, литературное наследие

Ссылка при цитировании: Степанов В. П. Рецензия на монографическое исследование Никогло Д. Е. Этничность в художественной литературе гагаузов. Chișinău: S. n., 2022. 248 p. // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 396–404.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/396-404

Review

© Viatcheslav Stepanov

BOOK REVIEW: NIKOGLO, D. E. ETHNICITY IN THE GAGAUZ FICTION LITERATURE. CHIȘINĂU: S. N., 2022. 248 P.

The aim of the review is to highlight the book author's approach focused on the study of ethnicity in Gagauz fiction. D. E. Nikoglo presents the formation and development in the Republic of Moldova of the research direction that emerged in the post-Soviet period and aims to study how the ethno-cultural component is reflected in the books by writers who themselves belong to certain ethno-social groups. The author analyzes the literature as one of the mechanisms of ethnic identity construction. He reveals the attitude of Gagauz writers to regional identity, native language, religious and moral values, elements of spiritual and material culture. The review emphasizes the importance of Nikoglo's approach to studying the ethnic identity among the Gagauz intellectual elite.

Keywords: *ethnoliterature, ethnic identity, identity construction, Gagauz studies, literary heritage*

Author Info: Stepanov, Viatcheslav P. — Dr. of History, Professor, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences Institute of Slavic Studies (Moscow, Russian Federation). E-mail: vpstepanovpochta@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5026-9505>

For citation: Stepanov, V. P. 2024. Book Review: Nikoglo, D. E. Ethnicity in the Gagauz Fiction Literature. Chișinău: S. n., 2022. 248 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 396–404.

Увы, современный мир ускоряющейся жизни так устроен, что в крутовехах повседневности об интересной книге узнаешь с некоторым опозданием. Так у меня произошло знакомство с неординарным академическим исследованием коллеги из молдавской Академии наук Дианы Евгеньевны Никогло, посвященным проблеме этничности малочисленного гагаузского народа через призму изучения художественной литературы.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания рецензируемой книги необходимо некоторое пояснение, касаемое проблемы, освещаемой в книге Д. Е. Никогло. Диана Евгеньевна работает в Институте культурного наследия, который сложился в 2006 г., в ходе очередной реформы, из трех полноценных институтов Молдавской АН (Института межэтнических исследований, Института культуры и Института археологии). Одновременно следует констатировать, что Институт культурного наследия сформировал в себе достаточно серьезный потенциал литературоведов. И это не его заслуга, а скорее наследие. Вошедший в его состав Институт межэтнических исследований изначально, в начале 1990-х гг. именовался Институтом национальных меньшинств. Национальные меньшинства в тот период были нужны этноревитализованной власти для самоутверждения в западно-демократической модели государственности. В не-

простых условиях в начале 1990-х гг., при сложном раскладе в среде творческой интеллигенции, осталось немало русскоязычных специалистов-гуманитариев, но в связи с проявлениями национального радикализма многие из них, обладая высокой квалификацией, оказались без работы. И тут, вероятно, сработали остатки советского наследия, вместе со здравым смыслом и благоприятно сложившимися обстоятельствами. В системе Академии наук Молдовы был создан Институт национальных меньшинств. Сотрудники новой научной структуры были, в основном, серьезно подготовлены, но в большинстве своем не владели государственным языком, что и послужило главной причиной потери ими предыдущего места работы. Это произошло в период этнических чисток, прокатившихся по Молдове в начале 1990-х гг. После создания институт в короткие сроки стал выдавать серьезную научную продукцию. Вскоре его переименовали в Институт межэтнических исследований, ибо слишком уж рельефно структура с неудобным названием транслировала нацменьшинственную, объединенную русскокультурностью, среду; между тем, пришло время не демонстрировать многообразие, а заниматься интеграцией в румынскую культуру. Названное научное подразделение объединяло под одной крышей историков, этнологов, филологов, культурологов, музыковедов... По своей структуре институт строился не на основе научной проблематики, а в соответствии с этнической направленностью. В нем были созданы научные отделы по комплексному изучению представителей тех этносов (кроме титульного молдавского) и этнических групп, которые массово проживают на территории страны. Отсюда столь длинные названия, вроде «Отдел изучения истории, языка и культуры гагаузского населения Республики Молдова». Соответственным образом были представлены отделы русского, болгарского, еврейского, украинского населения.

В силу специфики данного института в его составе оказалось немало число специалистов, занимающихся изучением русской, украинской, болгарской, еврейской и гагаузской литератур в сообществе Молдовы. В данном научном подразделении в области изучения этнического литературоведения сложилась целое направление. Русская, молдавская и украинская региональные литературы успешно изучались академиком К. Ф. Поповичем, первым директором данного института. Еврейская литература изучалась профессором Р. Я. Клейман. Здесь же следует назвать исследователей-литературоведов: в области русского и молдавского литературного наследия доктора филологии и писателя К. Б. Шишкана, доктора филологии С. П. Прокоп и И. А. Ижболдину.

Фундаментом, заложившим современные подходы к изучению этничности в литературе, стали исследования советского времени, ориентированные на укрепление дружественных связей между народами СССР через их литературное наследие. Еще тогда в Молдавии сложилось направление сравнительного литературоведения, которое в немалой степени благоприятствовало развитию изучения этничности через художественную литературу. Целая серия работ под названием «Молдавско-русско-украинские литературные связи» (*Вартичан* 1967; *Попович* 1973; *Попович* 1978; *Попович* 1982), подготовленная в 1960–1980-х гг. в Молдавской Академии наук заложила основу междисциплинарного подхода в изучении литературы и фольклора. Тогда это был «хлеб» литераторов, но широта поднимаемой проблемы в этих трудах, ориентированных на межкультурный диалог и междисциплинарность, послужила своего рода основой для дальнейшей разработки изучаемого Д. Никогло пограничного направления. Было бы несправедливым не отметить, что автор сфокусировала

внимание на различных подходах к изучаемой ею проблеме, представив наработки зарубежных, в том числе российских, авторов. То есть все требования к классическому жанру научной монографии соблюдены. Просто в рецензии, наряду с анализом содержания исследования Дианы Евгеньевны кажется принципиальным показать корни оформления интереса к данному направлению, которое проявляется уже в целом ряде трудов исследователей Молдовы.

Когда распался Институт межэтнических исследований АНМ, и был образован Институт культурного наследия, в него вошли далеко не все, кто работал там раньше. Многие ушли из жизни, другие уехали. Очевидно, что переименование института вызвало реформатирование его задач. На базе имеющегося кадрового потенциала был создан Центр этнологии, разделенный на две секции — этнологии румын и этнологии нацменьшинств. Это привело к тому, что сотрудники, специализировавшиеся на литературоведении и языкознании народов Молдовы, должны были перепрофилировать свои научные интересы с учетом разработки этничности и этномобилизационных процессов, в том числе посредством изучения литератур полиэтнического региона.

В этом направлении выделились новые имена: в области изучения цыганской литературы и ее этноинтерпретации следует назвать доктора филологии С. П. Прокоп. Позже в ряды исследователей влились доктор хабилитат филологии, исследовательница трансляции через литературу еврейской ментальности Ж. И. Кушнир, доктор филологии И. Э. Шихова, доктор филологии, болгарист Н. В. Кара, обстоятельно болгарскую идентичность исследует Е. В. Рацеева. Потому неудивительно, что в данном институте сформировались научные интересы автора рецензируемой книги Дианы Евгеньевны Никогло, которая сочетает в себе квалификацию этнолога (доктор истории) с филологическим высшим образованием. Результат налицо — рецензируемая книга. Есть еще одна сторона, повлиявшая на интерес исследовательницы к изучению обозначенного межпредметного направления — это аура, окружающая научного наставника Дианы Евгеньевны — классика гагаузской литературы, известного этнографа Степана Степановича Курогло, под влияние которой попала автор на начальном этапе своего научного пути. Здесь же следует назвать еще одного классика гагаузской литературы, крупного тюрколога-лингвиста Гавриила Аркадьевича Гайдаржи, работавшего в годы научного становления Дианы Евгеньевны заместителем директора Института национальных меньшинств АНМ. Одновременно основным вдохновителем исследования стал М. Н. Губогло, которому Д. Е. Никогло отдает первенство в области изучения влияния литературного слова на мобилизацию идентичности и трансляцию этнических характеристик гагаузского народа: «М. Н. Губогло можно по праву назвать инициатором исследований в области этнолитературы. Именно его изыскания вдохновили молдавских исследователей на изучение произведений художественной литературы как рычагов этнической мобилизации» (С. 32, 51–52). Наработки в этой области отражены в ряде трудов Михаила Николаевича: «Энергия памяти» (1992), «Языки этнической мобилизации» (1999), «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (2004), «Именем языка» (2006).

Таким образом становится понятным, что тема интерпретации художественного слова, отражающего этнические характеристики народа, представляет собой целое направление, которое в научных работах зачастую именуют как *этнолитературу*. Автор рецензируемой книги также использует данное название, характеризуя

исследуемое литературное наследие авторов, писавших о гагаузах в своих художественных произведениях. Не одна Диана Евгеньевна прибегает к данному термину, однако, следует констатировать, что, к сожалению, терминология избранного автором научного направления еще окончательно не отработана. Ведь — русская, молдавская, украинская или американская литература так или иначе уже подразумевают под собой некий компонент, характеризующий, в том числе и этническую составляющую отражаемых на бумаге характеристик этничности в анализируемой литературе. Другое дело, что анализом занимается не литературовед, а этнолог. Диана Евгеньевна понимает спорность используемой ею научной дефиниции, обосновывая ее применение в специальной публикации (*Никогло* 2021). В монографии автор справедливо отмечает, что в молдавском научном сообществе данный термин получил распространение благодаря уже упомянутой С. П. Прокоп. Именно Светлану Прокоп выделяет Д. Никогло, подчеркивая ее заслугу в обосновании распространения термина *этнолитература* в научном сообществе Республики Молдова (С. 15). Сама Никогло следует дальше и дает определение этнолитературе: «В нашем понимании «этнолитература» как одна из областей этнологии может изучать не только литературу представителей аборигенных сообществ, этнических групп и диаспор, малочисленных и младописьменных народов, но и национальную литературу крупных сообществ (наций), которая содержит информацию этнического, национального характера» (С. 16). Таким образом, этнолитература рассматривается Д. Е. Никогло как еще один инструмент этнологической науки. И все же, учитывая дискуссионность вводимого в научный оборот термина, думается логичнее и понятнее было бы прибегать не к трактовке направления, обозначаемого одним словом, а использовать более четкое словосочетание, *анализ литературного наследия, транслирующего этническую идентичность и этнокультурные ценности изучаемого народа*. Впрочем, дискуссионность применяемого термина несколько не снижает общее позитивное восприятие исследования автора.

В работе достаточно подробно представлены и расписаны исторические и социологические методы исследования: сравнительно-исторический метод, тематический контент-анализ, символичный контент-анализ. На примере поведения литературных персонажей, героев (отношения к родине, языку и т. п.) в исследовании представлена социально-психологическая характеристика гагаузской этнической общности. Не случайно в методологической базе автор использует наработки специалистов-этнопсихологов Т. Г. Стефаненко, В. Н. Павленко, С. А. Таглина.

Гагаузы — младописьменный народ. Письменность в их среде распространилась лишь в 1957 г. Это событие, да и время вхождения в мирное русло развития после Великой Отечественной войны способствовали мощному витку этнической ревитализации, которую претерпели, в том числе, писатели первой волны художественного творчества, выходцы из гагаузской среды Д. Танасоглу, Н. Бабоглу, Д. Карачобан, С. Курогло, Н. Танасогло, Г. Гайдаржи, М. Кёся, К. Василиогло.

Исследовательница условно разделила авторов-гагаузов на несколько возрастных групп. Это позволило ей рассмотреть влияние гагаузского слова на этническую мобилизацию народа в динамике. Важно, что автор обращает внимание на этномобилизационные темы, свойственные отдельным периодам. Например, постсоветский период она характеризует активизацией публикаций о ценностях родного языка, о значении религии.

Автор подходит к анализу литературы, как к одному из механизмов конструирования этнической идентичности. Раскрывая поставленную цель, Д. Никогло выявляет отношение гагаузских авторов к региональной идентичности, к родному языку, религиозным и нравственным ценностям, элементам духовной и материальной культуры.

Исследовательница справедливо обращает внимание на то, что у всех поколений гагаузских писателей прослеживается общая линия этноидентификационных маркеров, которые охватывают сакрализацию Буджака — степного региона, занимающего южную часть междуречья Дуная и Днестра, а также такие темы-этномобилизаторы как природа/пейзажи Буджака; родина — родной дом, родина — родители. Обращает на себя внимание еще одна сторона. В данном ряду маркеров, особенно в творчестве современных гагаузских авторов практически отсутствует такой идентификатор, как *Молдова*. При этом, осуществляя обязательный для монографического исследования анализ наработок в области изучения трансляции этнических ценностей в литературном наследии Д. Никогло обращает внимание на то, что тема малой и большой родины свойственна русским писателям Молдовы (А. Милях, А. Юнко). Любовь к Молдове и своей родине Украине демонстрирует выходец из Одесской области, долгие годы проживший на молдавской земле Р. Ольшевский. «Поэты проявляют трепетное отношение как к малой родине — Молдове, так и к большой — России (у О. Рудягиной, А. Миляха, К. Семеновского), а также к Украине у Р. Ольшевского» (С. 36).

В случае с гагаузами для них малой родиной выступает хорошо представленный в книге Буджак, а тема Молдовы, это уже серьезный этнополитический вопрос... Впрочем, и здесь есть свои нюансы: живя в молдавском государстве, гагаузы в силу этнополитических обстоятельств мирным путем обрели свою автономную независимость, одновременно оказавшись в некоторой искусственной изоляции (политической, экономической и в определенной степени даже культурной). Вместе с этим на этноидентификационное поле повлияло отсутствие у населения Республики Молдова общего видения будущего: своего и государственного. Еще в начале 90-х годов XX в. в сообществе Молдовы произошел раскол по языковому признаку. Приращение статуса русского языка повлияло на смещение сложившихся в Пруто-Днестровском междуречье языковых стереотипов. Из официального использования, после обретения Молдовой независимости, выпал русский язык. В Молдове его заменил молдавский, который спустя несколько лет с начала 1990-х гг. все чаще стали именовать «румунским». Да и сам курс молдавского государства постоянно находился в тени идеи воссоздания «Великой Румынии». Всё это в немалой степени подтолкнуло к внутреннему расколу Молдовы на самопровозглашенное Приднестровье, автономную Гагаузию и кишиневский центр с весьма нестабильным севером Республики Молдова. Впрочем, сама автор книги не ставила перед собой задачи осветить этнополитическую составляющую проблемы. Поэтому вышеприведенный абзац следует понимать не в качестве замечания, а как пояснение о сложившейся в крае ситуации. Одновременно рассмотрение влияния этнополитических процессов на литературное наследие представляет собой еще одну интересную страницу в набирающем силу направлении молдавского научного дискурса.

Как уже говорилось, Диана Евгеньевна указывает на Бурджак, как на идентификационный маркер, на этнотерриториальное понятие *родины* у гагаузов. Показательна в этом ключе представленная исследовательницей специфика болгарской общности, проживающей по соседству и, частично, в среде гагаузского народа, которая

обладает несколько иными идентификаторами, ассоциируясь в творчестве болгарских авторов с болгарской диаспорой (С. 234). При этом у предков проживающих в Молдове болгар и гагаузов общая историческая судьба, — все они выходцы из Болгарии (задунайские переселенцы). Но именно Буджак стал для гагаузов территорией окончательного оформления их национального самосознания.

Теме малой родины посвящены даже шуточные миниатюры, мастером которых является один из гагаузских писателей, представленных на страницах исследования исследовательницы — П. А. Чеботарь:

Еще во времена паши
Нас приютил Буджак.
Мы отдыхаем от души
И пашем точно так.
Всегда готовы выполнять
Команды бей! и пей!
Нам просто нечего терять,
Кроме своих степей.

Обращает на себя внимание еще одна важная составляющая гагаузского литературного наследия. Наряду с родным гагаузским языком гагаузские авторы активно использовали и продолжают использовать русский язык, позволяющий им выходить на связь с мировой культурой, а самим гагаузам сохранять исторически сложившийся билингвизм.

Интересной представляется попытка исследовать восприятие гагаузскими писателями исторического прошлого. Д. Никогло приходит к выводу, что большинство гагаузских писателей считает предками гагаузов огузов (затем печенегов и куман), что коррелирует с установившейся точкой зрения на происхождение гагаузов, согласно которой ключевую роль в процессе формирования народа сыграли узы, называемые в русских летописях торками. Анализируя роман Д. Танасоглу «Узун керван» («Долгий караван»), Д. Никогло отмечает, что в этом произведении налицо конструирование исторического прошлого, и, стало быть, конструирование исторической памяти, которая в контексте этнического самосознания играет весьма важную роль. В этом ключе Диана Евгеньевна демонстрирует каким образом в гагаузской художественной литературе отражаются такие компоненты этноисторического/этногенетического мифа как удревление происхождения народа, миф государственности, миф о культуртрегерстве (С. 150–182).

Подробный анализ литературных текстов позволил автору показать преемственность разных поколений гагаузских писателей в интерпретации некоторых образов. Как отмечает Д. Никогло, образ каравана, как символа хронотопа, как долгого исторического пути гагаузов, впервые был представлен С. С. Курогло в одном из стихотворений, написанном в 1977 г., затем в свой роман «Узун керван» (1985 г.) его ввел Д. Танасоглу, а в 1990-е годы данный образ привлек внимание молодой поэтессы С. Адиевой. В этих произведениях очевидным является схожее восприятие каравана.

В общем, автору удалось показать, что почти у всех гагаузских писателей наблюдается «единство мышления, что свидетельствует о едином векторе развития их этнического самосознания» (С. 4).

Следует подчеркнуть, что рецензируемая работа может стать одним из кирпичиков в исследовании такого важного вопроса как формирование этнической идентичности у представителей интеллектуальной элиты из числа гагаузов, а именно творческой интеллигенции.

Наряду с перечисленными положительными сторонами нельзя не обозначить еще одну лауну. Опять же, возвращаясь к маркерам-идентификаторам этнической идентичности: Д. Е. Никогло подчеркивает трудолюбие гагаузов, отражаемое их сотниками-писателями. Но трудолюбие представляет собой универсальную дефиницию. Она отражена у авторов, пишущих и о молдаванах, и о русских, и о евреях, и о других народах. В экспедиционных поездках мне не раз доводилось задавать гагаузам вопрос, какой народ они считают наиболее трудолюбивым. В ответ гагаузы, как правило, называли в качестве примера болгар, а болгары — гагаузов. В ходе анализа творчества писателей-гагаузов, из внимания исследовательницы выпадает литературное наследие авторов, писавших о гагаузах, не принадлежа к этому народу. К примеру, здесь можно обозначить творчество писателя А. Демина из Приднестровья. В Буджаке гагаузы и болгары проживают компактно и чересполосно. В этом ключе любопытно было бы проследить образ гагауза и *гагаузкости* в творчестве молдавских, русских, болгарских, украинских авторов. А если таких работ нет, или их мало, значит, это тоже о многом говорит... Таким образом не закрыта проблема анализа авто- и гетеростереотипов в литературном творчестве. Но это, думается, тема для отдельного изучения.

Собственно, сама Диана Евгеньевна подчеркивает, что ее книга, представляет собой первый опыт подобного обобщения. И это справедливо. Тема не исчерпана и многогранна. И все же проделана большая работа. Автора хочется поздравить с достойным междисциплинарным исследованием и пожелать дальнейших результативных изысканий, а читателю — приятных минут с книгой в руках.

Научная литература

Вартичан И. К. (отв. ред.) Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1967. 220 с.

Никогло Д. Е. Исследование этничности, отраженной в художественной литературе (к вопросу о методологических подходах) // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2021. № 4 (18). С. 158–185. http://abyss.su/abyss_issue/18/start

Попович К. Ф. (отв. ред.) Молдавско-русско-украинские литературные связи. Кишинев: Штиинца, 1973. 208 с.

Попович К. Ф. (отв. ред.) Очерки молдавско-русско-украинских литературных связей. Кишинев: Штиинца, 1978. 236 с.

Попович К. Ф. (отв. ред.) Молдавско-русско-украинские литературные связи начала XX в. (1901–1917). Кишинев: Штиинца, 1982. 263 с.

Степанов В. П. Украинцы Республики Молдова: влияние этногосударственного законодательства, госучреждений и ведомств, этнокультурной среды на сохранение и развитие идентичности, очерки трансформационного периода (1989–2005 гг.). Кишинев: Ин-т культурного наследия АНМ, 2007. 710 с.

Степанов В. Миниатюры традиционной жизни евреев в «Очерках Днестра» А. С. Афанасьева-Чужбинского // *Revista de Etnologie și Culturologie. Volumul XV / Журнал Этнологии Культурологии. Том XV.* Кишинев, 2014. С. 7–18.

References

- Nikoglo, D. E. 2021. Issledovanie etnichnosti, otrazhennoj v hudozhestvennoj literature (k voprosu o metodologicheskikh podhodah) [Research of Ethnicity Reflected in Fiction (To the Question of Methodological Approaches)]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i social'noj antropologii)* 4(18): 158–185. http://abyss.su/abyss_issue/18/start
- Popovich, K. F. (ed.). 1973. *Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye svyazi* [Moldavian-Rus-

- sian-Ukrainian Literary Ties]. Kishinev: Shtiintsa. 208 p.
- Popovich, K. F. (ed.). 1978. *Ocherki moldavsko-russko-ukrainskih literaturnyh svyazey* [Essays on Moldavian-Russian-Ukrainian Literary Ties]. Kishinev: Shtiintsa. 236 p.
- Popovich, K. F. (ed.). 1982. *Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye svyazi nachala XX v. (1901–1917)* [Moldavian-Russian-Ukrainian Literary Ties in the Early XX Century (1901–1917)]. Kishinev: Shtiintsa. 263 p.
- Stepanov, V. P. 2007. *Ukraincy Respubliki Moldova: vliyanie etnogosudarstvennogo zakonotvorchestva, gosuchrezhdenij i vedomstv, etnokul'turnoj sredy na sohranenie i razvitie identichnosti, ocherki transformacionnogo perioda (1989–2005 gg.)* [Ukrainians of the Republic of Moldova: The Influence of Ethno-State Lawmaking, State Institutions and Agencies, Ethno-Cultural Environment on the Preservation and Development of Identity, Essays of the Transformation Period (1989–2005)]. Kishinev: Institut kul'turnogo naslediya ANM. 710 p.
- Stepanov, V. 2014. Miniatyury tradicionnoj zhizni evreev v «Ocherkah Dnestra» A. S. Afanas'eva-Chuzhbinskogo [Miniatures on the Traditional Life of the Jews in “Sketches of the Dniester” by A. S. Afanasyev-Chuzhbinsky]. *Revista de Etnologie și Culturologie / Zhurnal Etnologii Kul'turologii* XV: 7–18.
- Vartichan, I. K. (ed.). 1967. *Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye i fol'klornye svyazi* [Moldavian-Russian-Ukrainian Literary and Folklore Ties]. Kishinev: Kartya moldovenyaske. 220 p.